

Джульетта Стоун

Царство
Песчаных
Сумерек

Джюльетта Стоун

Царство Песчаных Сумерек

<https://litres.ru/72727798>

SelfPub; 2026

ISBN 1

Аннотация

В царстве песков безжалостный правитель Элиад искореняет память, считая её опасной болезнью. Но юная Ариэль последняя Хранительница Притч, избранная нести бремя прошлого. В её сознании укрыты все украденные истории и чувства целого народа. Преследуемая тираном и его ищейками, она должна вернуть государству Нахама его ампутированную душу, пока забвение не стало необратимым.

Судьба сводит её с циничным инженером Калобом, одним из создателей системы забвения, который теперь ищет искупления, и Сайраном, лидером повстанцев, верящим лишь в силу клинка. Слово, Разум и Сила объединяются, чтобы проникнуть в неприступную цитадель тирана и превратить источник забвения в маяк надежды.

Героям предстоит столкнуться с жестокой истиной : воспоминания это мощное оружие, способное не только исцелить, но и убить. Что сильнее: стерильная гармония без чувств или полный боли и любви хаос человеческой жизни? Это роман о том,

что настоящая сила заключается не в способности забывать, а в смелости помнить.

Джульетта Стоун

Царство Песчаных Сумерек

Глава 1. Шепот исчезающего камня

Утро в Храме Притч начиналось с тишины, похожей на за-таенное дыхание пустыни перед рассветом. Ариэль шла бо-сиком по прохладному мрамору, и ее шаги тонули в гулком пространстве между колоннами. Это были не просто опоры для крыши. Каждая колонна была живой летописью, испещ-ренной вязью Притч Камня, оставленных мудрецом Солома-ром. Их высеченные строки ловили косые лучи утреннего солнца, и тени от букв ложились на пол, словно следы вре-мени.

Для Ариэль, Хранительницы Слов, эти письмена были больше, чем текст. Они были резонансом. Прикоснувшись к колонне, можно было почувствовать легкую вибрацию, услышать внутренний шепот камня – мелодию смысла, кото-рую ее учили распознавать с детства. Эти слова были мерой жизни в Нахаме. Они не диктовали законы, а напоминали, кто ты есть.

Она остановилась у колонны, посвященной Притче о Су-дье Мудром. Ее бабушка часто рассказывала ей эту историю, и ее голос до сих пор звучал в памяти Ариэль теплее лю-бого огня. Она прижала ладонь к гладкой поверхности. Ка-мень всегда отвечал знакомым теплом, легким покалывани-

ем, будто сама мудрость приветствовала ее.

Но не сегодня.

Камень был холоден. Мертв. Под ее пальцами не было ни вибрации, ни шепота. Ариэль отдернула руку, словно обожглась льдом. Ее глаза пробежали по строкам. Буквы, еще вчера четкие и полные силы, поблекли. Их края расплылись, а некоторые слова и вовсе исчезли, оставив после себя гладкие, пустые проплешины.

«...и тогда судья встал и сказал: 'Истина – не та, что горит в слове, но та, что лежит под его тенью...»

Дальше – пустота. Словно кто-то выдернул нить из древнего гобелена, и узор начал распускаться. Паника, холодная и острая, пронзила ее. Это было не просто повреждение. Это было забвение.

– Эльор! – ее голос сорвался на шепот, но в акустике храма он прозвучал как крик.

Старейшина, дремавший на своем резном кресле в глубине зала, поднял голову. Его глаза, выцветшие от времени и знаний, увидели все в одном ее движении. Он медленно поднялся и подошел, его тяжелые шаги отдавались гулким эхом в наступившей тишине. Он провел морщинистой рукой по пустому месту на колонне.

– Песок забывает свою форму, – произнес он наконец, и его голос был сух, как пустынный ветер. – Значит, слухи верны. Он уже здесь.

Ариэль знала, о ком он говорит. Последние недели столи-

да жила ожиданием. Говорили о новом властителе, идущем с севера, – Элиаде. Говорили, что он несет с собой железный порядок и не терпит многословия. Его еще никто не видел, но тень его имени уже легла на город. И теперь эта тень, казалось, проникла в самое сердце Храма и начала пожирать слова.

– Что нам делать? – спросила Ариэль. Ее мир, состоявший из незыблемых истин, трещал по швам.

– Камень слабеет, когда его перестают слушать, – сказал Эльор, глядя не на нее, а сквозь нее, в будущее. – Но слова могут жить и без камня. В песнях, в сказках, в памяти людей. В устной традиции, которую мы, Хранители, давно считали лишь отголоском. Мы были горды. И теперь платим за это.

Он повернулся к ней, и в его взгляде была тяжелая решимость.

– Ты – лучшая из нас, дитя. Твоя память чиста, и твой голос несет в себе резонанс. Пока Элиад будет сковывать столицу своими новыми правилами, ты должна уйти. Иди на юг. Иди в старые деревни, к бродячим рассказчикам, к караванщикам. Собери то, что мы теряем. Стань живым свитком. Если мы не сохраним Притчи в людях, скоро от них не останется даже пыли.

В его словах не было выбора. Это был приказ, рожденный отчаянием. Ее долг всегда состоял в том, чтобы *хранить*. Теперь ей предстояло *спасть*.

Ариэль кивнула, чувствуя, как страх внутри нее кристал-

лизуется в холодную решимость. Она бросила последний взгляд на пустеющую колонну. Это больше не было ее домом. Это было поле битвы, первый рубеж, который они уже проиграли. Она покинула храм, и яркий солнечный свет ударил в глаза. Город шумел, жил своей обычной жизнью, еще не зная, что его душа начала истекать кровью. Вдали, на главной площади, уже собиралась толпа. Над ней возвышались новые знамена цвета запекшейся крови.

Город ждал своего нового властителя. А Ариэль знала, что должна бежать от него, чтобы однажды иметь силу ему противостоять.

Глава 2. Глас Порядка и Тень Меча

Город услышал Элиада раньше, чем увидел. Ровный, бездушный бой барабанов вымерял пульс улиц, подчиняя себе хаотичный ритм столицы. Затем затянули трубы – низко, протяжно, словно вытягивая из мира все прежние мелодии. И наконец, появился блеск: отполированная до слепоты сталь, черные кони и флаги, что реяли на ветру, как раны.

Элиад въехал на площадь один, на вороном жеребце, и остановился в центре. Высокий, в темных латах без единого герба, с лицом, будто высеченным из камня. Он не носил шлема, и его темные глаза обводили толпу тяжелым, изучающим взглядом, в котором не было ни тепла, ни ненависти – лишь оценка.

Он поднял руку. Барабаны и трубы мгновенно смолкли. Тишина, нарушаемая лишь шепотом ветра, стала оглуши-

тельной.

– Народ Нахамы! – его голос был не громок, но обладал странной властью, проникая в самое сознание. – Я принес вам покой. Не тот, что убаюкивает сказками, а тот, что держится на порядке. Порядок – это когда меч весомее шепота. Когда дело важнее слова. Когда закон – это стена, а не паутина, в которой можно запутаться.

Толпа, уставшая от неопределенности и бесконечных советов, слушала, затаив дыхание. В глазах людей вспыхивала опасная искра облегчения – вера в простые ответы.

Ариэль стояла в тени арки, наблюдая за ним. Рядом с ней, прислонившись к стене, стоял мужчина. Она заметила его еще раньше – он единственный в толпе не смотрел на Элиада с восторгом или страхом. Он наблюдал, как наблюдают за игрой, оценивая ходы. Высокий, одетый в дорожную кожу, с легкой циничной усмешкой на губах и шрамом у виска, он казался чужаком.

– Я слышал о ваших Притчах Камня, – продолжил Элиада, и в его голосе прозвучала насмешка. – Трогательная мудрость. Но слово лечит слабость, лишь когда его произносит сильный. Это единственная притча, которую вам отныне стоит помнить.

Толпа взорвалась нестройными аплодисментами.

– Он смешивает яд с медом, и они пьют, не замечая, – тихо произнес незнакомец рядом с Ариэль. Его звали Сайран, она уже слышала о нем – наемник, шпион, торговец ин-

формацией, работающий на тех, кто больше платит. – Он не разрушает ваши верования. Он делает их бесполезными. Это элегантнее.

Элиад спешился и взошел на ступени, что вели к дворцу.

– Храмы останутся. Как музеи. Но править будет не прошлое, а будущее. Я обещаю вам порядок. Я обещаю вам силу. И я заберу у вас лишь одно – бремя сомнений.

– Он потребует контроль над Храмами, – прошептала Ариэль, скорее себе, чем Сайрану.

– Он потребует списки, – так же тихо ответил тот. – Списки тех, кто помнит Притчи наизусть. Тех, кто является «живым свитком». Таких, как ты.

Ее сердце пропустило удар. Он видел ее насквозь.

Тем же вечером, в доме старейшины Элора, его слова подтвердились. Гонцы Элиада принесли указ: утром состоится «инвентаризация» Храма. Новые советники желали составить реестр «культурного наследия». И получить список всех Хранителей.

– Это ловушка, – сказал один из жрецов. – Они хотят знать наши сильные и слабые стороны.

– Они хотят знать, кого нужно заставить замолчать, – отрезала Ариэль. В ней не осталось страха, только гнев. – Эльор был прав. Мне нужно уходить. Сейчас же.

– Ты пойдешь с южным караваном, на рассвете, – решил старейшина. – Сайран, ты знаешь эти тропы. Ты проведешь ее. Сайран, который последовал за ней на совет, лишь лениво

кивнул.

– Мои услуги стоят дорого, старейшина.

– Заплатим. Жизнью наших слов, – ответил Эльор.

Перед рассветом Ариэль вернулась к опустевшему Храму, чтобы попрощаться. Ночь была полна новых звуков: марширующих патрулей и громких песен о силе и славе, доносившихся из таверн. У ворот ее ждал Сайран.

– Ты дрожишь, – заметил он.

– Я слушаю, как мой мир учат молчать, – ответила она.

Он подошел ближе. От него пахло пылью дальних дорог и чем-то неуловимо опасным. Его рука мягко легла ей на затылок, большие пальцы коснулись волос. Это был не жест собственника, а скорее жест утешения, понимания. Секунду они стояли так близко, что она слышала его дыхание. Воздух между их губами стал теплым и напряженным. В его глазах не было цинизма, только внезапная, искренняя серьезность.

Она знала, что если он ее поцелует, она потеряет часть своей ледяной решимости. Мягко, но настойчиво она отстранилась, оставив руку на его груди.

– Сейчас не время, – прошептала она. – Мне нужна вся моя ясность.

– Договор, – усмехнулся он, отступая. Улыбка снова стала его маской. – Но долг остается.

Над крышами начал алеть рассвет. Из-за угла показались первые верблюды каравана. Ариэль знала, что ее путеше-

ствие начинается. Это был не поиск. Это было бегство. Бегство ради того, чтобы однажды вернуться и вернуть миру его голос, который сейчас тонул в грохоте барабанов нового порядка. Она несла в своей памяти хрупкий огонь, и теперь ее единственной задачей было не дать ему погаснуть в песках.

Глава 3. Тень на Песках

Рассвет был не краской, а шрамом на теле ночи. Бледно-алый, он прорезал горизонт, и город за их спинами казался силуэтом забытой мечты. Караван двинулся со скрипом, с тяжелым дыханием верблюдов и тихим перезвоном упряжи. Ариэль шла рядом с Сайраном, и пыль, поднятая десятками ног, окутывала их, создавая свой собственный, отдельный мир, где были только они двое и дорога вперед.

Городские ворота остались позади, и вместе с ними – гнетущее чувство наблюдения. Здесь, в открытой пустыне, воздух стал чище, острее. Сайран замедлил шаг, пропуская вперед погонщика с двумя навьюченными верблюдами. Когда между ними и остальным караваном образовался небольшой разрыв, он мягко взял Ариэль за локоть и увлек в неглубокую выемку скалы, укрытую от ветра и чужих глаз.

– Ты сказала – без свидетелей, – его голос был низким, почти рокочущим на фоне утреннего ветра.

Он не стал ждать ответа. Его рука скользнула с ее локтя выше, на плечо, а затем – на затылок, пальцы запутались в волосах, выбившихся из-под платка. Он смотрел на нее не так, как в городе – не с насмешкой, не с предостережением.

В его взгляде читалось то же отчаянное чувство срочности, что и в ее собственном сердце. Он наклонился.

Их поцелуй был не мягким и не нежным. Он был как глоток воды после долгой жажды – требовательный, глубокий, почти болезненный в своей необходимости. Губы Сайрана были сухими от пустынного ветра, но теплыми, и в их прикосновении была не столько ласка, сколько клятва. Ариэль ответила ему с той же силой, вцепившись пальцами в грубую ткань его плаща. Это было столкновение двух одиночеств, двух волей, нашедших друг в друге точку опоры в мире, который трещал по швам. Он оторвался от нее, тяжело дыша, но не отпуская. Его лоб прижался к ее лбу.

– Пусть это будет память, которую они не смогут стереть, – прошептал он, и слова эти были весомее камня. – Что бы ни случилось.

Ариэль кивнула, не в силах говорить. Она чувствовала, как по ее телу разливается жар – не от солнца, а от этого украденного мгновения, которое теперь навсегда отпечаталось в ней, стало частью ее личной, нестираемой притчи.

Они догнали караван, и никто, казалось, не заметил их отсутствия. Путь на юг лежал через равнины, где песок менял цвет от золотого до пепельного. Время текло здесь иначе: день мог сжаться в один ослепительный миг или растянуться в бесконечную череду одинаковых дюн. Но что-то изменилось. По вечерам у костров люди говорили меньше. Старые истории, которые раньше лились рекой, теперь произ-

носились с оглядкой. Торговец пряностями, который всегда знал сотню анекдотов, вдруг забыл концовку самого известного из них, растерянно махнул рукой и замолчал. Молодая мать перестала петь своему ребенку старую колыбельную о песчаной лисе, заменив ее простым мычанием.

Страх был не громким криком, а тихим шепотом, паутиной, которая незаметно оплетала караван. Люди стали забывать. Не имена или лица, а... связи. Причину, по которой одна история следует за другой. Смысл старой поговорки. Откуда взялся тот или иной обычай. Это были мелкие, незначительные провалы, но их становилось все больше.

Через три дня пути они достигли оазиса Аль-Сафир – островка жизни посреди песчаного океана. На маленьком рынке, где пахло финиками и жареным мясом, Ариэль увидела сцену, от которой у нее похолодела кровь. В центре толпы стоял старик-ткач, известный на всем южном пути своими коврами, в узоры которых он вплетал целые главы Притч. Сейчас он, раскачиваясь, пытался рассказать историю о Царе и Пастухе.

– ...и тогда пастух сказал царю: «Твое золото тяжело, но слово мое... слово мое...» – Старик запнулся, его лоб покрылся испариной. Он беспомощно посмотрел на слушателей. – Оно... оно легче пера, но может сдвинуть гору... нет, не так...

Рядом с ним, чуть в стороне, стоял человек. Он был одет скромно, но держался с неестественной прямоотой. Он не го-

ворил ни слова, лишь внимательно, почти хищно, смотрел на ткача. В пальцах он перекачивал гладкий черный камень, и каждое движение его большого пальца по камню, казалось, совпадало с паузами в речи старика. Это был один из них. Один из тех, кого в столице уже начали называть шепотом – «Шептун Забвения».

– Может, слово твое ничего не стоит, отец? – мягко, почти сочувственно произнес Шептун. Голос его был подобен бархату, он обволакивал, убаюкивал. – Может, это просто старая сказка, чтобы скоротать вечер? Сила – в руках царя, в его мече. Это ясно. Зачем усложнять?

– Нет... там было про сердце... – пролепетал ткач, окончательно сбившись. Его глаза стали пустыми, как будто из них вынули свет. Он опустил руки и побрел прочь, спотыкаясь, бормоча что-то бессвязное.

Толпа растерянно загудела. Кто-то сочувственно покачал головой, но многие кивали словам Шептуна. «Действительно, зачем усложнять?», «Порядок – это просто», «Старик устал».

– Мы должны что-то сделать! – прошептала Ариэль, шагнув вперед.

Сайран крепко схватил ее за руку, удерживая на месте. Его хватка была железной.

– Нет, – отрезал он, глядя прямо на Шептуна, который уже переключил свое внимание на группу молодых кочевников. – Ты видела его глаза? Это не спор. Это охота. Если ты вме-

шаешься, он просто переключится на тебя. И поверь, твою память он сломает с еще большим удовольствием.

– Но он уничтожил его! На наших глазах! Он стер человека!

– Он посеял сомнение, Ариэль! – прошипел Сайран, оттаскивая ее в тень финиковой рощи. – Их оружие – не огонь, а ржавчина. Она действует медленно. Подойдешь с криком – станешь для всех сумасшедшей, которая нападает на вежливого человека. Это бой, который нельзя выиграть в лоб. Я видел, как они работают в западных провинциях. Они приходят, слушают, задают вопросы... и через неделю город не помнит имен своих героев.

Его слова были холодным душем. Ариэль смотрела на него, и в груди поднималась буря из ярости, бессилия и... страха за него. За них. Тот поцелуй на рассвете был клятвой, но сейчас она поняла, что они поклялись идти по минному полю.

– Тогда что? Просто смотреть? – ее голос дрогнул.

– Нет. Мы запоминаем. Мы слушаем то, что еще не стерто, иносим это с собой. Мы – ковчег, Ариэль, а не меч. Сейчас наша задача – доплыть.

Он отпустил ее руку, но их взгляды были связаны крепче любых объятий. В его глазах она видела не цинизм, а глубокую, застарелую боль человека, который уже проигрывал эту войну.

Вечером, когда над оазисом сгустились бархатные сумер-

ки, Ариэль не могла найти себе места. Слова Сайрана стучали в висках. Ковчег. Но как плыть, когда океан становится ядовитым? Она бродила по краю лагеря, пока не услышала тихий детский смех. Под раскидистой акацией сидела группа детей, а молодая женщина, одна из спутниц Шептуна, показывала им игру с пальцами. Она пела.

Песня была новой, с простым и очень запоминающимся мотивом.

«Камень – молчит,

Клинок – говорит.

Кто слушает камень —

Тот вечно спит.

Кто держит клинок —

Тот мир сотворит.

Раз, два, три, четыре, пять —

Старое нужно сломать!»

Дети со смехом повторяли последнюю строчку, хлопая в ладоши.

Ариэль застыла. Это было оно. Кульминация. Они не просто стирали старое. Они вливали в образовавшуюся пустоту новое. Простое, ясное, жестокое. Они не разрушали память – они подменяли ее. И делали это через самое невинное и восприимчивое – через детей, через игры, через песни, которые войдут в кровь и станут частью нового поколения. Притчи Соломара были сложны, они требовали размышлений. Эти новые «притчи» были примитивны, как удар топо-

ра. И в этом была их ужасающая сила.

Она развернулась и почти бегом бросилась обратно к их стоянке. Сайран сидел у догорающего костра, чистил нож. Он поднял голову, когда она рухнула рядом с ним на песок.

– Они не стирают, – выдохнула она, глядя в огонь невидящими глазами. – Они переписывают. Прямо сейчас.

Она пересказала ему про песню. Сайран перестал чистить нож. Его лицо в отблесках пламени стало жестким, как маска.

– Я понял, – сказал он тихо. – Значит, времени у нас еще меньше, чем я думал.

Он отложил нож, подвинулся ближе и накрыл ее ледяные пальцы своей теплой ладонью. Это был уже не жест любовника. Это был жест солдата, который нашел в темноте своего товарища.

– Послушай меня, Хранительница, – сказал он, и в его голосе не осталось и тени прежней иронии. – Завтра мы покидаем караван. Идти с ними – значит идти в их темпе. Мы пойдем одни. Напрямую, через Мертвые Пески. Там есть скрытая тропа к Оплоту Сказителей, древнему монастырю, где могут храниться первичные свитки. Это опасно. Очень. Но это единственный шанс опередить ржавчину.

Ариэль посмотрела на него. Мертвые Пески – место, которое обходили даже самые отчаянные контрабандисты. Место, где, по слухам, время и пространство сворачивались в узлы. Пойти туда вдвоем было самоубийством.

Но, глядя в его темные, решительные глаза и слыша детский смех с новой, страшной песней, доносившийся с ветром, она поняла, что остаться – самоубийство еще более верное.

– Я готова, – сказала она.

И в этой короткой фразе было больше решимости, чем во всех Притчах, которые она знала. Потому что теперь она шла не спасать прошлое. Она шла сражаться за будущее.

Глава 4. Первая Трещина

Песок был не золотым, а мертвенно-серым, мелким, как пыль из растертых костей. Мертвые Пески оправдывали свое название. Ветер здесь не пел, а шипел, слизывая тепло с кожи и оставляя взамен ледяное касание пустоты. Не было ни дюн, ни барханов – лишь бесконечная, плоская равнина под выцветшим небом, где солнце казалось далекой, равнодушной раной. Они покинули караван два дня назад, и с тех пор чувство одиночества стало почти осязаемым. Оно лежало на плечах, как тяжелый плащ, и забивалось в легкие вместе с пылью.

– Он знал, что мы уйдем, – сказал Сайран, нарушая многочасовое молчание. Его голос был хриплым. – Оставить караван было слишком очевидным шагом для тех, кто не хочет играть по его правилам.

Ариэль ничего не ответила, лишь плотнее закуталась в платок. Она думала не об Элиаде. Она думала о поющей женщине и детях, хлопающих в ладоши под слова о сломанном

старом мире. Этот образ преследовал ее, он был страшнее безжизненной пустыни вокруг. Пустоту можно было пересечь. Но как пересечь пустоту в головах нового поколения?

Именно тогда она увидела его. Точку на горизонте, которая медленно двигалась, спотыкаясь. Не мираж – миражи в Мертвых Песках были другими, они дразнили водой и тенью. Этот же был тенью без обещания.

Они пошли навстречу. Фигура приблизилась, и стало видно, что это совсем юный парень, одетый в выцветшую одежду храмового послушника. Он брел босиком, его ноги были стерты в кровь. Лицо осунулось, глаза лихорадочно блестели от жажды и ужаса. Увидев их, он рухнул на колени, протягивая дрожащую руку.

– Воды... – прохрипел он.

Сайран тут же протянул ему мех. Парень пил жадно, захлебываясь, вода текла по его подбородку и шее, смешиваясь с серой пылью. Когда он смог говорить, его взгляд сфокусировался на Ариэли, и в нем вспыхнуло узнавание.

– Хранительница Ариэль? – прошептал он. – Я Лиам. Помощник Эльора. Я... я бежал.

Сердце Ариэль сжалось в ледяной комок. – Что случилось? Эльор? Храм?

Лиам судорожно вздохнул, и слова полились из него прерывистым, паническим потоком.

– Они пришли на следующий день после вашего ухода. Не солдаты. Вежливые люди в серых одеждах, с табличками для

записей. «Инвентаризация», – сказали они. Они не трогали свитки. Они ходили вдоль колонн, а рядом с ними... Шептуны. Они ничего не говорили, просто смотрели. И камни... они замолкали. Прямо на глазах. Строки бледнели, превращаясь в гладкую поверхность. Будто их никогда и не было.

Ариэль зажмурилась. Она представила это – священные залы, наполненные тихим, методичным уничтожением.

– Но это не самое страшное, – продолжил Лиам, его голос сорвался на всхлип. – Позавчера. На главной площади. Элиад устроил «открытый суд». Два брата спорили из-за наследства отца – мастерской и дома. Младший утверждал, что отец обещал все ему, так как старший давно покинул город. Старший вернулся, требуя свою долю по закону предков. Все знали, что есть Притча о Справедливом Разделе. Судья Захария должен был ее применить...

Ариэль знала судью Захарию. Старый, неподкупный, человек, чье уважение к Притчам было незыблемым, как скалы на севере.

– И что он? – спросила она, боясь услышать ответ.

– Он встал, – лицо Лиама исказилось от воспоминания. – Он был бледен. Он сказал... он сказал, что «текст Притчи стал неясен» и что «в текущей формулировке он допускает двойные толкования». Он мямлил что-то про «необходимость ясности, дарованной новым правителем». А потом... он просто разделил все поровну, как делят мешок зерна. Он даже не взглянул братьям в глаза.

Ариэль почувствовала, как земля уходит из-под ног. Бессилие. Горячее, удушающее бессилие. Притча о Справедливом Разделе была одной из самых ясных. «Правосудие – не слепой меч, а зрячее сердце, что видит не право, но нужду». Она помнила ее наизусть, помнила тепло камня под пальцами, когда читала ее. И теперь уважаемый судья, оплот закона, публично отрекся от нее.

– Я стоял в толпе, – шептал Лиам. – Я видел, как Шептун смотрел на судью. Не угрожал. Просто смотрел. И люди... некоторые возмущались, но многие кивали. «Наконец-то простое решение», «Никаких старых загадок». Они боятся. Они так устали, что готовы принять любую ложь, лишь бы она была простой и уверенной.

Гнев, чистый и обжигающий, вытеснил бессилие. Это была не просто реформа. Это была вивисекция души целого народа, проводимая на глазах у всех, под аплодисменты тех, кому удаляли память.

– Я пошел в Храм, – закончил Лиам. – Колонна, где была та Притча... она почти гладкая. Лишь несколько царапин. Я понял, что оставаться – значит ждать, пока сотрут и меня. Эльор велел мне бежать. Найти вас. Сказать... сказать, что трещина пошла по самому основанию.

Сайран, все это время молча слушавший, положил руку на плечо Ариэли. Его лицо было мрачным.

– Это не магия, Ариэль. Это стратегия, – сказал он тихо. – Идеальная. Он не запрещает. Он делает бессмысленным.

Он не убивает мудрецов. Он заставляет их добровольно отказаться от мудрости.

Лиам закашлялся. Его тело сотрясала дрожь.

– Я принес... – он из последних сил разжал кулак. На его ладони лежал маленький осколок мрамора, отколотый от одной из храмовых колонн. На нем виднелась всего одна, чудом уцелевшая строка, выведенная вязью Соломара. – «... сердце, что видит...»

Его глаза закатились, и он обмяк. Сайран подхватил его, осторожно укладывая на песок. Дыхание юноши было слабым, прерывистым. Он сделал свою работу. Он донес весть.

Ариэль взяла осколок. Он был холодным, мертвым. Не было ни вибрации, ни отклика. Просто камень. Первая трещина. Вещественное доказательство катастрофы. Она смотрела на эти два слова – «сердце, что видит» – и чувствовала не отчаяние, а ледяную ярость. Они могли стереть слова с камня. Они могли заставить судей забыть о чести. Но они не могли убить саму идею. Пока был хоть кто-то, кто помнит.

Она подняла глаза на Сайрана. Ее взгляд был тверд, как закаленная сталь. – Ты прав. Это стратегия. Значит, и у нас должна быть своя. Оплот Сказителей. Мы должны добратсья туда. Не просто чтобы найти свитки. Мы должны найти слова, которые вернут людям их сердца.

Сайран кивнул. Он посмотрел на умирающего Лиама, потом на нее. Впервые в его глазах она не увидела ни скепсиса, ни иронии. Только мрачную решимость.

– Тогда идем, – сказал он. – Потому что, судя по всему, рассвет в этом царстве наступит еще не скоро.

Она сжала в кулаке холодный осколок мрамора. Он впивался в ладонь, и эта боль была единственным, что казалось настоящим в этом мире, стремительно теряющем смысл. Впереди лежали Мертвые Пески, но теперь страх перед ними отступил. Пустыня была лишь физическим испытанием. Настоящая битва за выживание шла там, позади, в сердцах и умах людей, которых учили разучиваться видеть. И она не собиралась ее проигрывать.

Глава 5. Вызов Судьбе

Они похоронили Лиама там же, в Мертвых Песках. Мертвый песок для мертвого гонца. Не было камней для могилы, и Сайран просто сплел из жесткой пустынной травы небольшой венок, который ветер тут же начал растаскивать на волокна. Ариэль стояла, сжимая в ладони холодный осколок мрамора. Боль от острых краев не отпускала, и это было хорошо. Боль означала, что она еще чувствует.

– Бежать дальше бессмысленно, – сказала она, глядя не на Сайрана, а на серый горизонт, в сторону которого уползали последние следы каравана. – Он не остановится. Он будет выжигать память, деревню за деревней. Прятаться – значит позволить ему победить.

– И что ты предлагаешь? – голос Сайрана был ровным, но в нем слышалась сталь. – Вернуться и вежливо попросить тирана прекратить быть тираном? Ариэль, они ищут тебя.

Возвращение в столицу – это самоубийство.

– Это не самоубийство, – она повернулась, и ее глаза горели темным, яростным огнем. – Это вызов. Он действует открыто, на глазах у всех. И я должна ответить ему так же. Я – Хранительница Слов. Мой долг – говорить, когда другие молчат.

Он долго смотрел на нее, на ее хрупкую фигуру, в которой вдруг проснулась негибкая сила. Он видел не наивную храмовую послушницу. Он видел клинок, готовый ударить, даже если он сломается о броню.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Но если мы идем, то идем по моим правилам. Никаких главных ворот и парадных входов.

Путь назад был лихорадочным, рваным сном. Они пробирались ночами, прячась днем в тени скал, питаясь тем немногим, что осталось. Столица встретила их не праздничным гулом, а напряженной, выверенной тишиной. Люди ходили с опущенными глазами, говорили вполголоса. Стражники на углах стояли неподвижно, как статуи. Порядок Элиада был похож на порядок на кладбище – безупречный и безжизненный.

Проникнуть во дворец оказалось проще, чем они думали. Ариэль знала старые служебные ходы, которыми пользовались еще во времена Соломара. Они вели не в тронный зал, а в галерею для наблюдателей, нависавшую над огромным, холодным помещением, где Элиад принимал просителей.

Зал был воплощением его философии. Никаких резных колонн, никаких теплых гобеленов. Лишь серый полированный камень, высокие узкие окна, пропускавшие скупой, безрадостный свет, и в центре – массивный трон из черного базальта. На нем сидел Элиад.

Он не был похож на чудовище из сказок. Молодой, с точеным, волевым лицом и спокойным, почти отеческим взглядом. Он выслушивал гильдмастера, жалующегося на налоги, и его голос был ровным и убедительным. Он не спорил, он объяснял. Он говорил о стабильности, о будущем, о силе, которая защитит их от хаоса. И люди, стоявшие перед ним, верили. Они хотели верить.

– Сейчас, – прошептала Ариэль. Она не могла больше ждать. Это было как яд, медленно растекающийся по венам города.

Не слушая протестующего шепота Сайрана, она вышла из тени галереи и шагнула к перилам. Ее голос, чистый и сильный, привыкший к храмовой акустике, прорезал тишину зала.

– Властелин Элиад!

Все головы мгновенно вскинулись вверх. Разговоры оборвались. На несколько ударов сердца воцарилась абсолютная тишина. Элиад медленно поднял взгляд. На его лице не было удивления, лишь тень холодного любопытства.

– Хранительница Ариэль, – произнес он так, словно ждал ее. – Спуститесь. Я не привык говорить с тенью на балконе.

Стража шагнула было к ней, но он остановил их жестом. В этом была вся его сила – в показном спокойствии, в уверенности, что он контролирует абсолютно все.

Спустившись по винтовой лестнице, Ариэль прошла через расступившуюся толпу и остановилась в десяти шагах от трона. Ее сердце колотилось о ребра, как пойманная птица, но она держала спину прямо. Она чувствовала на себе сотни взглядов – испуганных, любопытных, враждебных.

– Ты пришла просить прощения за свой побег? – спросил Элиад с легкой усмешкой.

– Я пришла потребовать ответа, – сказала Ариэль, и ее голос не дрогнул. – Ты стираешь Притчи. Ты заставляешь судей отречься от правосудия. Ты крадешь у людей их прошлое. Зачем?

Он откинулся на спинку трона, и его усмешка стала шире.

– Какими громкими словами ты говоришь, дитя. Я не краду. Я лечу. Память – это болезнь. Она – топливо для старых обид, для бесконечных споров о том, чей дед кого оскорбил. Она – хаос. Я же даю людям порядок. Ясность. Будущее, не обремененное грузом прошлого.

– Ты даешь им пустоту! – выкрикнула она, делая шаг вперед. – Человек без памяти – не человек, а кукла! Притчи – не груз, это наш компас! Они учат нас не повторять ошибок!

Она разжала ладонь и показала ему осколок мрамора, который принес Лиам.

– Вот твоя ясность! Пустой камень! Что ты напишешь на нем, когда сотрешь все дочиста?

Элиад посмотрел на осколок, потом снова на нее. Его взгляд стал ледяным.

– Ты цепляешься за обломки, Хранительница. А я строю новый мир. И в нем не будет места пыльным сказкам, которые вы веками бормотали в своих храмах, пока мир вокруг горел в огне распрей. Ваши Притчи не спасли мой народ от голода. Ваши слова не остановили клинок, который убил мою сестру, пока мудрецы спорили о «правильном толковании» призыва о помощи.

В зале повисла звенящая тишина. В его голосе на миг прозвучала такая неподдельная боль, что Ариэли стало не по себе. Она увидела перед собой не просто тирана, а человека, сломленного трагедией и решившего сломать весь мир, чтобы тот соответствовал его ране.

Но сострадание тут же сменилось яростью. Он использовал свою боль как оправдание.

– И поэтому ты решил, что никто больше не должен ничего чувствовать? – прошептала она.

– Я решил, что порядок важнее чувств, – отрезал он, вновь обретая свою железную выдержку. – Твои Притчи, твои слова... это все будет аккуратно собрано. Архивировано. Возможно, что-то даже будет «скорректировано» для блага нового порядка. Но их время как закона прошло. Это теперь просто... детские сказки.

Слово «детские» ударило как пощечина. Это было высшей степенью унижения. Он не видел в ней врага. Он видел в ней капризного, неразумного ребенка, цепляющегося за старую игрушку. Несколько человек в толпе нервно хихикнули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.